

УДК 811.163.3

ПРОБЛЕМА «ДВОЙНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Владимировна Боронникова

доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. natboronnikova@rambler.ru

В статье рассматриваются именные группы с так называемой «двойной определенностью» (включающие детерминатив и определенный член) в современном македонском языке. Дается исторический обзор литературы по указанной проблематике и различные точки зрения на трактовку этого вопроса. Материалом для исследования послужили примеры из спонтанной разговорной речи, публицистики, научной и художественной литературы.

Ключевые слова: македонский язык; дейксис; именная группа; категория определенности-неопределенности; постпозитивный определенный член; тройная система артикля; «двойная определенность».

Современный македонский язык относится к восточной подгруппе южнославянских языков. По своим структурно-типологическим характеристикам он входит в так называемый балканский языковой союз, который объединяет языки разных групп индоевропейской языковой семьи (македонский, болгарский, албанский, восточно-романские языки, новогреческий, южноторлакские говоры сербского), расположенные в едином лингвогеографическом пространстве [см. Македонски јазик 1998; Нерознак 1998; Усикова 2003; Усикова 2005 и др.].

Македонский язык считают наиболее балканизированным среди языков, входящих в балканский языковой союз, потому что в его структуре содержатся практически все балканизмы – структурные черты, свойственные балканским языкам [подробнее см. Усикова 2005: 104; Цыхун 1981]. Одним из самых ярких балканизмов, по мнению большинства лингвистов, является постпозитивный определенный член.

Постпозитивный определенный член (или членная морфема, артикль) – это регулярный грамматический показатель определенности¹, известности, идентифицированности предмета, который присоединяется к флексии имени существительного или первого члена именной группы (*човек – човеко^т* ‘человек – этот человек’, *висок човек – високио^т човек* ‘высокий человек – этот высокий человек’ и др.). Членная морфема в македонском языке видоизменяется в зависимости от того, на какой звук оканчивается общая (не-

членная) форма имени, а также в определенной степени зависит от рода и числа имени существительного (*стол – столо^т* (м.р., ед.ч.) ‘стул – этот стул’, *маса – маса^{та}* (ж.р., ед.ч.) ‘стол – этот стол’, *огледало – огледало^{то}* (ср.р., ед.ч.) ‘зеркало – это зеркало’, *столови – столови^{те}* (мн.ч.) ‘стулья – эти стулья’, но *огледала – огледала^{та}* ‘зеркала – эти зеркала’ и т.п.) [подробнее см. Конески 1986; Усикова 2003].

Специфической характеристикой системы определенного артикля в македонском языке является трехчленность [Конески 1986; Македонски јазик 1998; Миркуловска 2006]. Артикли противопоставлены друг другу по признаку пространственной детерминации (*-в, -н, -т*). Диахронически членные формы восходят к безударным указательным местоимениям (*овој, оној, тој*), находящимся в постпозиции к имени [подробнее об истории развития членной формы см. Кепески 1946; Конески 1986; Тополињска 2008].

Детерминативы с корнем *-в* указывают на близкий к говорящему предмет, с *-н* – на удаленный от субъекта речи предмет, если же используется местоимение с *-т*, признак ‘близкий-далекий’ нейтрализуется, так как местоименный корень *-т* ориентирован на сферу слушающего [например, см.: Боронникова 2006; Конески 1967, 1986; Тополињска 1974, 1997, 2007, 2008; Усикова 2003, 2005 и др.].

Чаще всего в речи используются детерминативы с *-т*, ориентированные на фоновые знания и речевой опыт собеседника. Нацеленностью гово-

рящего на сферу слушающего, вероятно, объясняется нейтральность *-т* с позиции пространственно-временного дейксиса. Членная морфема *-т* употребляется в функции индивидуализации и генерализации, обозначая определенность существительного без указания на положение референта в пространстве; может выполнять в тексте анафорическую и катафорическую функции. Как полагает З.Тополинская, член *-т* лишен настоящей дейктической функции, он выполняет лишь функцию определенности [Тополинска 2007: 23]. Однако, по мнению Л.Миновой-Гюрковой, дейктичность местоименных корней с *-т* заключается именно в указании на сферу собеседника [Минова-Гюркова 1994: 122].

Пространственно маркированные детерминативы (*-в*, *-н*) встречаются в тексте гораздо реже, основная их функция – индивидуализация конкретного предмета и определение его положения в пространстве и во времени. Среди них более употребительны детерминативы с *-в*. Они, как отмечает Л.Минова-Гюркова, сигнализируют о пространственной и временной маркированности, а также указывают на ближайшую анафору, кроме того, могут использоваться в интродуктивной функции [Македонски јазик 1998: 115-116]. Реже используется детерминатив с *-н*, потому что он наименее свободен от пространственного значения удаленности от говорящего. В относительных предложениях он может выполнять катафорическую функцию [Македонски јазик 1998: 115-116].

Пространственно маркированные морфемы встречаются не только в конкретной речевой ситуации, но и в ситуации, когда объект находится вне зоны досягаемости, а представляется как «духовно близкий или далекий субъекту речи», включенный в сферу так называемого личного пространства или исключенный из нее [см. Боронникова 2006; Панчевска 2002; Тополинска 1997]. Как отмечает Р.П.Усикова, «практически определенный член с пространственными морфемами выступает в переносном экспрессивно-оценочном значении» [Усикова 2005: 120]. Ср. примеры 1, 2, 3:

(1) *A сега потпиши го договоров и напладне да си тука во дванаесет нула нула* (ДС: 25). ‘А сейчас подпиши этот договор [лежащий передо мной, который мы с тобой заключаем – Н.Б.] и в полдень будь здесь, в 12.00’;

(2) *Чие е детево?* (МНП: 59). ‘Чей это ребенок [находящийся близ меня, он мне нравится – Н.Б.]?’;

(3) *Ме тераат да ја измолзам кобилана – рекло старчето* (МНП: 14). ‘Гонят меня подоить

ту кобылу [она далеко от меня; я ее опасуюсь – Н.Б.], – сказал старичок’.

Таким образом, артиклевая система македонского языка базируется на двух основных противопоставлениях. Первое связано с оппозицией сферы говорящего и слушающего, а также третьего лица (не-говорящего и не-слушающего). Второе противопоставление основано на степени близости предмета речи к говорящему и слушающему (оппозиция ‘близкий / далекий’), детерминатив может отсылать к реальной и воображаемой речевой ситуации, а также содержать текстовые отсылки (ср. *-ов* ‘этот близкий около меня’, *-от* ‘этот близкий около тебя’, *-он* ‘тот, удаленный от тебя и меня’).

Что касается использования указательного местоимения или артикля в конкретной речевой ситуации, то здесь следует исходить из критерия ‘наличие или отсутствие выбора’ из нескольких предметов. Если выбор возможен, то говорящий использует соответствующее указательное местоимение или же пространственно маркированную членную морфему (выбор обусловлен стилистическими предпочтениями говорящего) (пример 4):

(4) *Избриши ја оваа табла (таблава)*. – *Избриши ја онаа табла (таблана)*. – *Избриши ја таа табла (таблата)* ‘Вытри эту доску [находящуюся около меня – Н.Б.]. – Вытри ту доску [удаленную от нас – Н.Б.]. – Вытри ту доску [находящуюся рядом с тобой – Н.Б.]’.

Если же речь идет о предмете, единственном в данной ситуации, более типично использование членной морфемы (чаще всего это морфема с *-т*). Использование же указательного местоимения в этом случае может стать причиной переспроса, уточнения:

(5) *Избриши ја таблата* ‘Вытри доску [определенную, известную, единственно возможную в данной ситуации – Н.Б.]’.

В связи с факультативностью выбора указательных местоимений или пространственно маркированных детерминативов возникает проблема артиклевого статуса пространственно маркированных детерминативов, о дискуссии в связи с которой мы скажем чуть позже.

Общее происхождение и наличие сходных функций накладывает ограничение на совместное употребление «полных» и «кратких» демонстративов в македонском литературном языке (см. примеры 4). Однако, как показывает анализ текстов, случаи использования именных групп с «двойной определенностью» (указательное местоимение и членная морфема) довольно частотны (примеры 6, 7, 8, 9):

(6) *Да, јас имам една природна и една вештачка баба. Природната живее во најубавата природа во Беровско, а оваа вештачкава е мајка на мајка ми и неподносливо го мрази селото* (JB: 5). ‘Да, у меня есть одна природная бабушка и одна городская. Природная бабушка живет в селе под Берово, среди прекрасной природы. А эта, «цивилизованная», – мать моей мамы, и она ужасно ненавидит село’;

(7) *Три години морала да им одговара негативно на прашањето дали сум се омажила за тој уметникот со којшто живеам во Париз* (ЛП: 139). ‘Три года она [мать героини – Н.Б.] вынуждена была отрицательно отвечать им [соседам, родственникам – Н.Б.] на вопрос, вышла ли я замуж за того самого художника, с которым я живу в Париже’;

(8) *Нека продолжат вака Охридани и за година до две нема да имаат ни домашни туристи. Лани можеа да се најдат поевтини аранжмани во Црна Гора, Бугарија па и во Грција (а има еден битен момент, таму си на море и дефинитивно со подобра услуга од онаа охридската)* (<http://www.time.mk>). ‘Пусть охридцы продолжают вести себя подобным образом, и через год-два у них и местных туристов не останется. В прошлом году уже можно было найти более дешевые туры в Черногорию, Болгарию и даже в Грецию (притом, что немаловажно, там ты на море, и сервис там не в пример лучше, чем вышеупомянутый охридский)’;

(9) *Примарно показателите на референција нè упатуваат на објекти во вонјазична стварност, на «делови на светот», како на референти на соодведните именски синтагми. Сепак, покрај оној примариот постои и секундарен систем на референција – референција во текстот* (ЗТ: 182). ‘Первичная функция референциальных показателей – отсылка к объектам внеязыковой действительности, «частям мира» в качестве референтов соответствующих именных синтагм. Однако, кроме вышеупомянутой первичной, существует и вторичная референциальная система – референция к тексту’.

Каковы же причины такого, казалось бы, избыточного использования определенных детерминативов? Прежде всего обратимся к анализу грамматических исследований, в которых упоминается данное явление. Проблема «двойной определенности» связана с рядом теоретических вопросов. Во-первых, это вопрос о статусе тройного члена в македонском языке. Второй аспект – причины появления форм с «двойной определенностью» в македонском языке, третий аспект – дистрибуция и семантика конструкций с «двойной определенностью».

Вопрос о статусе тройного члена в македонском языке связан с проблемой его происхождения из указательных местоимений. Существуют две традиции рассмотрения статуса постпозитивных членных морфем. Согласно первой в македонском литературном языке существует тройная система пространственно маркированных определенных артиклей, коррелирующая с системой указательных местоимений [см. Кепески 1946; Конески 1967; Минова-Гуркова 1994; Усикова 2003 и др.].

Согласно второй точке зрения, восходящей к американскому лингвисту Х. Ланту [см. исследования: Lant 1952; Friedman 2001; Тополињска 1974, 1997, 2007, 2008 и др.; Панчевска 2002; Миркуловска 2006 и др.], членные морфемы – это краткие (энклитические) формы демонстративов. Так, З.Тополињска полагает, что существующий в македонской грамматической традиции термин «тройной член» не совсем удачен, потому что «из анализа современных македонских текстов становится ясно, что “истинную” артиклевую функцию² выполняет только элемент *-от*, в то время как *-ов* и *-он* функционируют как клитики (т.е. безударные формы), образованные от соответствующих демонстративов, кроме того, они и семантически более насыщены – регулярно включают информацию о пространственной близости (*-ов*) или удаленности (*-он*) от говорящего, т.е. отличаются от «долгих» форм указательных местоимений только неспособностью иметь собственное ударение» [Тополињска 2008: 185].

Однако еще Х.Лант утверждал, что основное отличие кратких и полных форм демонстративов заключается в том, что предмет, обозначение которого сопровождают краткие демонстративы, представляется говорящим как идентифицированный, предупомянутый. Определенность же предмета, обозначенного указательным местоимением, зависит от ситуации. Полные формы сами по себе являются определенными, однако в ряде случаев они используются совместно с краткими: *оније дрвјено* ‘those trees over there’, *овие нашиве* ‘these fellows of ours’ [см. Lant 1952: 40-41]. Как отмечает В. Фридман, норма литературного языка исключает совместное употребление артикля и указательного местоимения, между тем, «субстандарт допускает использование именных групп с двойной определенностью: *овие децава* ‘these here children’» [см. Friedman 2001].

Проблема появления именных групп с «двойной определенностью» в македонском языке рассматривается в контексте балканских инноваций [см. работы: Тополињска 1997; Цыхун 1981].

З.Тополинская в своей работе, посвященной исследованию македонских диалектов в Эгейской Македонии, говорит, что конструкции наподобие *Toj професорот ми рече...* встречаются в македонских диалектах, которые в наибольшей степени претерпели греческое влияние. Однако, по мнению З.Тополинской, «существуют аргументы как общелингвистического, так и балканистического характера, согласно которым, иноязычное влияние только поддерживает тенденцию, которая легко могла зародиться в самой македонской диасистеме...» [Тополинска 1997: 205].

Именные группы с «удвоением категориальных экспонентов определенности» автор делит на две категории. В первую входят синтагмы типа *Toj, професорот, ми рече...* с аппозитивным атрибутом, маркированным паузой после первой синтагмы. Это явление можно объяснить желанием говорящего анафорически употребленное указательное местоимение пояснить катафорой. Подобные случаи характерны как для македонского литературного языка, так и для его диалектов [см. Тополинска 1997: 205].

Что же касается групп второго типа – *Toj професорот ми рече...*, то здесь речь действительно идет об удвоении показателей идентифицирующего характера в синтагме (наподобие греческой модели *демонстратив + артикль*). Именные группы с удвоением категориальных экспонентов определенности в зависимости от синтаксической функции исследователь делит на субъектные (номинативные), объектные (аккузативные, дативные, генитивные) и предикатные. З.Тополинская полагает, что в случае с «двойной определенностью» наблюдается иноязычное влияние, которое подверглось определенной интерпретации в рамках македонской морфосинтаксической системы.

В субъектных именных группах двойноопределенная синтагма маркирована как тема. С семантической точки зрения, как отмечает З.Тополинская, удвоение в субъектных группах можно объяснить через потребность обновления экспонента определенности (артикля) путем введения указательного местоимения (если не говорить о контекстах, где удвоение выполняет экспрессивную функцию). Именно таким образом схема *демонстратив + артикль* зародилась в древнегреческом языке [см. Тополинска 1997: 208].

Однако и в самой системе македонского языка наблюдается тенденция к дублированию определенных синтагм (местоименное дублирование определенных форм: *го чекам човекот* ‘я жду этого человека’, *му давам на човекот* ‘я даю

этому человеку’ – Н.Б.), это относится к объектным именным группам (прямой и косвенный объект). Со временем, как полагает З.Тополинская, можно ожидать местоименное удвоение в рамках субъектных и предикатных синтагм, для которых не характерна местоименная реприза. Однако по распространенности модели *демонстратив + артикль* они занимают первое и второе место соответственно, и только на третьем месте находятся объектные синтагмы, которые могли принять схему *демонстратив + артикль* чисто механически [см. Тополинска 1997: 204-208].

Как балканскую инновацию рассматривает удвоение демонстративов и Г.А.Цыхун. Центром данной инновации, по мнению ученого, является восточная часть балканославянского ареала [см. Цыхун 1981: 118]. По данным Г.А.Цыхуна, такого типа конструкции известны по всей территории употребления членных форм, особенно часто они встречаются в говорах, сохраняющих троичную систему указательных местоимений, соотносимую с троичной системой артикля. Однако нигде в балканославянском ареале это явление не имеет регулярного характера, потому что «<...> сохраняющаяся между членом и соответствующими указательными местоимениями определенная связь, базирующаяся на их генетической общности, во многих случаях препятствует их совместному употреблению при одном определяемом слове. Это вызвано тем, что в значительной своей части функции указательного местоимения и члена совпадают, что делает излишним их дублирование, если оно не несет дополнительной, чаще всего эмфатической, нагрузки. Однако ослабление демонстративной функции члена, сопровождающее его грамматикализацию, ведет к тому, что возникает необходимость совместного употребления указательного местоимения и члена. Еще А.Белич³, отмечая в говорах южной Сербии конструкции типа *ov^baj кметав, тија пашата*, объяснял их потребностью подкрепить ослабленное демонстративное значение члена» [Цыхун 1981: 116]. В данном случае происходит перераспределение функций систем указательных местоимений и членных форм (указательная функция члена вытесняется чисто артиклевыми). Встречаются также случаи, когда происходит перераспределение функций внутри артиклевой системы, тогда возможно нанизывание членных форм на одно слово: «...и ке појт стројникот кеј татка је од момичкатава» [цит. по: Цыхун 1981: 116].

Таким образом, и в самой системе демонстративов, и в морфосинтаксической системе македонского языка имеются предпосылки для реду-

пликации. Рассмотрение дистрибуции именных групп с «двойной определенностью» позволяет авторам сделать следующие выводы. Сочетание демонстративов возможно в следующих комбинациях: *тој ... -от, овој ... -ов, оној ... -он, овој ... -от, оној ... -от* [Угринова-Скаловска 1960-1961; Конески 1967; Тополинска 1974; Минова-Гуркова 1994]. Указательное местоимение, входящее в состав подобных именных синтагм, по мнению исследователей, должно быть семантически «богаче», чем артикль, поэтому невозможны сочетания *тој ... -ов, тој ... -он* [например, см. Конески 1967: 231; Тополинска 1974: 129]. Как правило, местоимение и членная морфема согласуются по форме рода и числа, однако встречается и использование указательного местоимения в форме среднего рода, вне зависимости от рода и числа определенной формы имени: *тоа жената* ‘ну эта женщина-то’, *ова другариве твои* ‘эти самые твои друзья’ и т.п. [Угринова-Скаловска 1960-1961: 107].

Какова семантика форм с двойной определенностью? В «Грамматике македонского литературного языка» Б.Конеского местоимение трактуется «как средство усиления определенности, которая уже выражена в артикле. ... Такие высказывания... характерны, главным образом, для народной речи. Ничего не меняется, даже если существительное сопровождается атрибутом или если речь идет о субстантивированном прилагательном: *Кога ќе заситни со тие кусите нозе, небаре десет години пајвани носел*. ‘Когда он семенит этими самыми своими короткими ножками, ни дать ни взять десять лет пути носил’. – *Ако пак е дојден тој слепиот саат... – јас од него не бегам*. ‘Если опять пришла эта лихая година – я встречу ее лицом к лицу’. – *Ама лоша кучка беше таа Сукаловата, бреј!* ‘Эх, ну и дрянъ же эта Сукалова!’ (С.Попов)... Могут встречаться одновременно два членных субстантивированных прилагательных: *Е, тоа е убава работа – а не ко оној мојот најмалиот* ‘Эээ, ну это совсем другое дело, не как у этого моего, самого младшего-то’ (К.Чашуле) [цит. по: Конески 1967: 231].

Р.Угринова-Скаловска отмечает, что именные группы с двойной определенностью встречаются в разговорном языке в том случае, когда субъект речи «привносит личную ноту в высказывание»: *Дојде тој човекот што те бараше вчера*. ‘Пришел тот самый человек, который разыскивал тебя вчера’; *овие алиштава не се сушат*. ‘Белье-то не сохнет’; *ова времево како да се разубавува*. ‘Погода-то вроде как улучшается’. Довольно часто наблюдаются конструкции: *овој мојов, оној мојон, тој мојот*, которые, по мнению

Р.Угриновой-Скаловской, имеют значение ‘близкий родственник (муж, сын)’ [Угринова-Скаловска 1960-1961: 106].

В том случае, когда указательное местоимение согласуется с членной формой по роду и числу, назначение указательного местоимения, по мнению Р.Угриновой-Скаловской, – обновление ослабленной демонстративной функции члена, на долю которого остается лишь функция идентификации (в ряде случаев указательное местоимение отделяется от членной формы запятой). Если же указательное местоимение не согласуется с членной формой по роду и числу, то его функция – подчеркивание идентифицирующей функции члена. Такие конструкции довольно частотны в разговорном языке, особенно если говорящий желает подчеркнуть маловажность, незначительность информации (*тоа скотом, тоа жената, тоа парите*) [Угринова-Скаловска 1960-1961: 106-107].

В «Грамматике именной группы» З.Тополинской именные группы с «двойной определенностью» обозначаются как категориально маркированные по указательности. Член, морфологически срастаясь с лексической основой, утрачивает способность трактоваться как категориальный элемент [Тополинска 1974: 129]. Все случаи использования именных групп с двойной определенностью З.Тополинская делит на две категории. В первую входят стилистически маркированные, экспрессивные высказывания (с так называемой избыточной определенностью), особенно в том случае, когда демонстративы содержат общий местоименный корень: *Онаа водана од земја како што излегуваше*. ‘Эта вода-то словно из-под земли пробивалась’ [Тополинска 1974: 130-131]. Вторую категорию составляют нейтральные именные группы, где член служит средством субстантивации числительного: *Тие двете дојдоа подоцна*. ‘А эти две пришли позднее’ [Тополинска 1974: 131].

Анализируя синтаксические отношения в именной группе, Л.Минова-Гуркова выделяет три разновидности именных групп с «двойной определенностью» [Минова-Гуркова 1994: 125]. К первой относятся именные группы с субстантивированными прилагательными, в этом случае член трактуется как знак субстантивации: *Ова последново беше важно*. ‘Именно это, последнее, было важно’. Во вторую группу входят субстантивированные числительные (в данном случае артикль также можно толковать как знак субстантивации): *Тие двете ја наелектризираа атмосферата*. ‘Эти две наэлектризовали атмосферу’. В третьей группе синтагм ядром является имя

существительное: *Ќе сврtnиш во оваа последнава улица*. 'Свернешь вот по этой последней улице'. В случае если между указательным местоимением и членной формой имени ощущается пауза, считает Л.Минова-Гюркова, следует говорить о двух именных группах. Остальные же явления она объясняет через категорию избыточности: здесь указательное местоимение ведет себя как экспрессивное, стилистически маркированное средство [Минова-Гюркова 1994: 125].

Итак, как отмечают авторы, использование именных групп с «двойной определенностью» характерно для текстов разговорного характера. Появление удвоенных синтагм часто трактуется как балканская инновация, однако и в самой системе македонского языка имеются предпосылки для такого явления. Что касается комбинаций указательных местоимений и членных форм, то возможны сочетания демонстративов и членных морфем с общим корнем, а также пространственно маркированных демонстративов и нейтральных членных форм. По мнению ученых, это связано с тем, что членная морфема не может быть «семантически богаче», чем указательное местоимение. Кроме того, указательное местоимение может дублировать форму членной морфемы, а может иметь форму ср.р. вне зависимости от формы имени. В синтагмах с «двойной определенностью» может наблюдаться распределение демонстративной, анафорической (указательное местоимение) и идентифицирующей функций (членная морфема). Кроме того, указательное местоимение может выполнять эмфатическую функцию, а членная морфема – субстантивировающую. При наличии паузы между указательным местоимением и членной формы имени следует выделять две синтагмы с семантикой обновления ослабленной демонстративной функции члена.

Рассмотрим употребление именных групп с «двойной определенностью» в текстах современного македонского языка. В качестве материала исследования мы использовали тексты, относящиеся к различным функциональным стилям: художественному, публицистическому, разговорному (записи спонтанной речи, материалы Интернет-источников), научному. Объем исследованного материала на данном этапе составил приблизительно 200 именных групп с «двойной определенностью».

Как показывает проанализированный материал, сочетание детерминативов в именной группе чаще всего возможно в следующих комбинациях: *тој ... -т* (9% от общего количества групп с «двойной определенностью»); *овој ... -в* (40%); *овој ... -т* (5%); *оној ... -н* (8%); *оној ... -т*

(38%). В нашем материале среди сочетаний детерминативов с членными морфемами, образованными от того же корня, наиболее частотными являются показатели с *-в* (40%), приблизительно равное количество составляют показатели с *-т* (9%) и *-н* (8%). Среди сочетаний пространственно маркированных детерминативов с нейтральным показателем *-т* преобладают показатели дальнего дейксиса (38%), показатели ближнего дейксиса составляют 5% от общего числа именных групп с «двойной определенностью». Как правило, в группах с двойной определенностью не встречаются сочетания, в которых бы использовалась семантически более насыщенная, чем указательное местоимение, членная морфема. Однако подобные случаи возможны в сочетаниях с определительным местоимением *сиот*, которое включает в состав членную морфему (см. пример 10):

(10) *Да не знае некој што направија вака со серијава? До сега има излезено 23 епизода, но на сите страници за симнување последна ја дава 19. Што е проблемот?* (<http://forum.kajgana.com>; Н., 22). 'Никто не знает случайно, что это такое сделали с этим [нашим – Н.Б.] сериалом? Уже вышло 23 серии, но на всех этих страницах, где можно его скачать, последняя серия 19. В чем же проблема?' Вероятно, в данном случае *-т* подчеркивает обобщающее, генерализующее значение определительного местоимения, а *-в* выполняет пространственную функцию.

Как правило, указательное местоимение согласуется с существительным в членной форме по роду и числу (см. примеры 6, 7, 8, 9, 11):

(11) *Шејм он ју, новинари! Еднострано заслени како оној* (м.р. ед.ч.) *стотиот војник* (м.р. ед.ч.) *на Самоил...* (<http://star.on.net.mk>). 'Шейм он ю, журналисты! Слепы вы на один глаз, как тот самый [каждый – Н.Б.] сотый воин царя Самоила...'

Особый случай представляет употребление указательных местоимений с существительными общего рода (пример 12):

(12) *Јас му велам на оној старион, нешто ицици-мици, знаеш де, оној* (м.р.) *институцијана* (общ.р.), *дека моите песни се нешто поинакво* (СС₁: 28). 'Я и говорю тому-то старику как бы между делом, да знаешь ты его, ну этот, человек-институция [могущественный – Н.Б.], что мои стихи – это нечто другое'.

Однако в ряде случаев сущ. в м.р. ед.ч. или во мн.ч. сопровождается местоимением в ср.р. (примеры 13, 14, 15, 16):

(13) *Деновие песнава не можам да ја извадам од глава! Буричкав по ова YOUTUBE-ов* (м.р. ед.ч.) *и го најдов клипчево*

(kimi.blog.com.mk). 'От этой песни в последние дни не могу избавиться! Я копался на этом самом (как его), Youtube, и нашел этот клип';

(14) *Ааааааааааа, ме плашат ова громовиве* (мн.ч.) (<http://www.ringeraja.mk>). 'Аааааааа, пугает меня этот гром';

(15) *BLUEMAX, гледам ова скајп-ов* (м.р. ед.ч.) *го користии а и јас имам многу желба за него...* (<http://luis.blog.mk>). 'BLUEMAX, ты, как я вижу, этот самый скайп используешь, и я хочу себе [поставить – Н.Б.]';

(16) *Ова Македонциве* (мн.ч.) *се како ненормални. Сите гледаат да си ја завршат својата работа, а дали ќе те вознемируваат, не е важно и, згора на се, на крајот ќе „забораваат“ да ти платат* (Э, 33, Скопје). 'Эти наши македонцы как ненормальные. Все хотят сделать свое дело, и не важно, удобно ли тебе это, и ко всему прочему в конце «забывают» тебе заплатить'.

Следует отметить, что сочетания с местоимением в ср.р. встречаются, как правило, в разговорной речи или в ее «имитации» в художественных текстах. В публицистической речи это, скорее, примета индивидуального стиля, приближенного к «живому» разговорному. Что же касается конструкций с согласованным определением, то они возможны в текстах любых стилей.

Центром именной группы может быть существительное (собственное и нарицательное), субстантивированное прилагательное, местоимение или числительное. Как известно, назначение артикля – указание на предмет. При субстантивации функцию предмета может выполнять адъектив, характеризующий данный предмет по какому-либо признаку. В языках наподобие английского единственным средством субстантивации зачастую становится артикль. Однако в македонском языке, как и в русском, в процессе субстантивации при явном изменении синтаксических функций формальные признаки адъектива сохраняются, поэтому вряд ли возможно говорить о чисто формальной функции членной морфемы (примеры 17, 18, 19):

(17) *Здраво другар, така долго немам сретнато некој од нашите во ова Русијава* (сущ., собств.) (Н., 45, Скопје). 'Привет, приятель, как же долго я не встречал никого из наших в этой России!';

(18) *А, кажи како Скопје, а? Го гледаш ли нашиот Грујо, подобар е од вашиот Путин! Тој вашиот* (субст. мест.) *за два мандати сака да направи држава, овој нашиов* (субст. мест.) *за еден!* (Т., 33, Штип). 'А, скажи, как тебе Скопье, а? Смотри, а наш Груйо получше будет вашего

Путина! Ваш за два мандата хочет переделать государство, а наш-то за один!';

(19) *Нена пак ги погоди моите мисли и се врати на својата прва љубов.* <...> «Ајде, погоди од три пати кој беше тој?». «Бубо од осмо три?» – речиси сум сигурна. «Оној дебелиот?! (субст. прил.) *Ме навредуваш. Продолжи!*» «Оној гитаристот? (сущ., нариц.)» – веќе не сум толку сигурна. «Мислиш на оној рошлавиот? (субст. прил.)» *Пак погрешии. Имаш право уште на едно погодување*» (ЛП: 130). 'Нена опять угадала мои мысли и вернулась к своей первой любви: «Ну-ка угадай с трех раз, кто это был?» <...> «Это Бубо из восьмого?», – я почти уверена. «Тот толстяк?! Ты меня обижаешь. Продолжай!» «Ну, тот гитарист?» – я уже не столь уверена. «Ты о том лохматом? Опять не угадала. У тебя осталась последняя попытка»'.

(20) *Впрочем, секој од двата јазика гледан од перспектива на оној вториот* (субст. числ.) *покажува повеќе развојни сличности со него отколку што тоа може да се заклучи врз основа на читањето на нивните традиционални граматички описи* (ЗТ: 192). 'А впрочем, каждый из двух языков, если рассматривать его с перспективы второго, показывает большее количество сходств, чем в том случае, если судить на основе традиционных грамматических описаний'.

Центр именной группы может сопровождаться одним или несколькими определениями. Как правило, членная морфема употребляется только при первом члене именной группы (см. пример 11), следующем после указательного местоимения. Однако возможно использование членной морфемы с каждым из определений, входящих в именную группу (пример 21). Ср.:

(21) *Па има малку лично пошто дечкото што ми е другар Саше <...> тешко дека он би испаднал толку "смотан", во тој случај сигурно бил оној другиот пополниот* (<http://tehnologija.com.mk>). 'Ну, вообще-то есть немного личного, потому что тот парень, мой друг Саше, <...> вряд ли бы стал вести себя так бестолково, это, наверное, был тот, другой, более полный'. Вероятно, перед вторым определением говорящий подразумевает паузу, поэтому возможно использование двух членных форм, вторая синтагма, выраженная формой *пополниот*, выступает как уточнение первой.

Наличие / отсутствие паузы на письме может быть маркировано использованием знаков препинания (см. пример 22):

(22) *Па, му муабетам за хероите на улицата, постарите од нас маалски мангути, со кои не беше здраво да не видат родителите. Зашто, тие, фраерите маалски, море се тепаа, пушеа и*

пиеја, а некои од нив знаеја и да пуштат раче (CC₂, <http://star.on.net.mk>). ‘Так ведь я ему рассказываю об уличных героях, о взрослых районных хулиганах, с которыми не дай бог увидели бы нас родители, потому что они, эти фраера квартальные, ну и дрались, курили и пили, а некоторые из них еще и руки в ход пускали’. Вторая синтагма, выраженная определенной формой, уточняет указательное местоимение, снимая многозначность трактовки текста. Однако во многих случаях пауза между указательным местоимением и членной формой отсутствует, в таком случае следует говорить об одной именной группе, в данном случае происходит перераспределение функций демонстративов (см. ниже).

Еще одна конструкция – это аппозитивные именные группы, где артикль используется при первом существительном (пример 23):

(23) *Има утки и кај големите имиња. Као Тарантино и оној тапчоно Гај Ричи, добро што се разведе од Мадона, ем некоја паричка зема ем ќе напраи може подобар филм* (<http://popivoda.blog.mk>). ‘Неудачи бывают и у великих. Как, например, у Тарантино и этого туповатого Гаја Ричи, хорошо, что он развелся с Мадонной, теперь хоть какие-то деньги зарабатывает и, может, фильм получше снимет’.

Что же касается текстовых функций именных групп с «двойной определенностью», рассмотрим каждую из представленных формальных групп по отдельности. В сочетаниях *тој ... -т*, имеющихся в нашем материале, на первый план выходит так называемая функция уточнения, усиления идентифицирующих свойств членной морфемы (см. пример 24):

(24) *И уште додава: „Викни го тој келнерот, нека пушта тој (за DJ-от од дискотеката).“ DJ-от доаѓа, пушта негово CD и журката продолжува* (www.zdravo.com.mk). ‘И добавляет: «Позови вон того официанта, пусть он поставит [диск – Н.Б.] (о ди-джейе дискотеки). Ди-джей подходит, ставит его диск, и вечеринка продолжается’. Как мы видим из примера, говорящий при подаче информации ориентируется на своего собеседника, уточняя, о ком именно идет речь. Противопоставление сферы первого и второго лица становится наиболее очевидным из примера 18: *Тој вашиот за два мандати сака да направи држава, овој нашиов за еден!* (Т., 33, Штип). И если в первом случае речь идет о ситуативной определенности; то во втором имеется отсылка к предупомянутой информации, при этом говорящий демонстрирует определенное субъективное (пейоративное) отношение к предмету речи.

Сочетания *овој ... -в*, *овој ... -т* несколько различаются по своей семантике. Сочетание двух

показателей ближнего дейксиса указывает на ироничное, пренебрежительное, снисходительное, а в ряде случаев и обидное для того, о ком идет речь, отношение говорящего (15, 16, 17, 25, 26, 27), это подтверждается лексической семантикой лексем (ср. *клошариве*), ближайшим контекстом и использованием членной морфемы при существительных, с которыми они, как правило, не употребляются (ср. 17). При этом сохраняется либо первичная функция показателей ближнего дейксиса (25), либо же предмет представляется как ментально «близкий» говорящему (ср. 26, 27), что подкрепляется использованием притяжательных местоимений 1-го лица:

(25) *Никифор ја намалува музиката <...>, го зема микрофонот во раце и вели: „Доаѓам ја тука од Скопје и овие клошариве ми даваат CD (се однесува на промотерите од Smirnoff), а овој тука (се однесува за сопственикот на Елдорадо) сака ќејфови да му правам <...> Никифор, после ова е предупреден со збор, по што вели дека ќе се извини и повторно го зема микрофонот: „Еве, да им се извинам на овие клошариве и на овој овде (повторно со навреда им се обраќа на промотерите и газдата“ (www.zdravo.com.mk). ‘Никифор убавляет звук <...>, берет микрофон в руки и произносит: «Я приезжаю из Скопье, а эти бездельники суют мне CD (относится к промоутерам из “Smirnoff”), и вот этот тип (о владельце заведения “Эльдорадо”) хочет, чтобы я его прихоти удовлетворял <...> После устного предупреждения Никифор говорит, что хочет извиниться, и вновь берет микрофон: «Ну вот, я хочу извиниться перед этими бездельниками и перед этим вот типом (повторно оскорбляя промоутеров и хозяина)’;*

(26) *«Што ме гледате така и двете. Демек првпат слушате за секс. Ај оваа мојава нема со кого, освен ако не сум во тек со некоја новина во нејзиниот живот, оти тој нејзиниот ја откачи, а ти ми изгледаш не како откачена туку како откачувач...»* (ЛП: 122). ‘Что вы обе на меня так уставились? Будто впервые слышите о сексе. Ну, моей-то [сестре – Н.Б.] не с кем, если, конечно, я не упустила из виду что-то в ее жизни, потому что ее бывший сбежал, а ты вовсе не выглядишь как брошенная, скорее, наоборот...’;

(27) *Овој нашиов «прај министер», како што велат некои, ни бара само капка крв од прстот и евентуално малку урина* (<http://www.globusmagazin.com.mk>). ‘Этот наш премьер, как говорят некоторые, требует от нас не только капельку крови из пальца, но, очевидно, и чуточку мочи’.

В разговорных высказываниях сниженного характера (см. примеры 13, 15, 16) используется

местоимение *ова* в ср.р. В ряде случаев говорящий как бы припоминает название предмета речи, демонстрируя забывчивость (см. примеры 13, 15), или же показывая явное нежелание называть предмет речи (16).

Сочетание *овој ... -т* часто демонстрирует разделение функций детерминатива и показателя определенности. Детерминатив содержит анафорическую отсылку к ближайшему контексту, а членная морфема указывает на определенность предмета речи (пример 28):

(28) *Само Кире оттогаш ги карактеризираше моите кулинарски достигнувања како барокни, романтични, класични, модернистички и постмодернистички. Овие последните, да не речам макробиотички, редовно ги избегнуваше со реченицата «Штотуку јадев»* (ЛП: 103). ‘Только Кире с тех пор стал характеризовать мои кулинарные достижения как барочные, романтические, классицистические, модернистские и постмодернистские. Именно этих, последних, не будем называть их макробиотическими, он регулярно избегал, говоря «я только что поел»’.

Кроме того, возможно проявление указательной функции членной морфемы (указание на личную сферу собеседника) (пример 29). Говорящий относится к лицу, о котором идет речь, с явной опаской, намеренно дистанцируется от него (об этом свидетельствует контекст и использование членной формы имени собственнoго), а экспрессивную нагрузку несет на себе показатель ближнего дейксиса:

(29) *Ама оваа, Јаната, таква симпатична стана и опасна* (ЈВ: 109). ‘Да эта твоя Яна такая симпатичная стала и опасная’.

Однако дейктическая функция *-от* может и нивелироваться, как, например, в примере 30, где функция членной морфемы – идентифицирующая. Показатель ближнего дейксиса усиливает значение притяжательного местоимения:

(30) *И да знаете дека е така! Ова моето мажле е едно на мајка* (<http://www.ringeraja.mk>). ‘И, знаете, это так! Мой муженек единственный у мамы’.

Сочетания *оној ... -н* имеют наиболее сильную эмоциональную окраску, связанную, на наш взгляд, с семантикой дальнего дейксиса (пример 32, 33). Хотя в некоторых случаях возможно использование чистого указательного значения с эмфатическим усилением (пример 31). В примере 32 говорящий показывает обиду, пренебрежение и в связи с этим нежелание именовать супруга по имени (*оној мојон*). Негативное, пренебрежительное отношение ощущается и в примере 33:

(31) *Јас сум на WADSL на он.нет и тоа оној старион од 10 гига што беше, меѓутоа последниве два месеца е криш* (<http://www.365.com.mk>). ‘Я использую WADSL на on.net, это тот самый старый, у которого 10 гигов, однако последние два месяца он чего-то не работает’.

(32) *Гоцо, дури и швалерката на оној мојон ми тврдеше дека он ми е верен а јас сум некако скептична* (<http://harizma.blog.mk>). ‘Гоцо, даже любовница моего [мужа – Н.Б.] твердила, что он мне верен, однако я пребываю в некотором сомнении’;

(33) *Што живот ќе имав? Татко се фрли на комар и си умре без динар, оној немтурон ја жала земјата, па мајка, се кикоти пред телевизор како луда на брашно, а предвоено госпожа беше...* (СС₁: 52). ‘Какая жизнь меня ожидала? Отец мой проигрался и помер без гроша, тот нелюдим [муж – Н.Б.] все оплакивает страну, а мать хохочет перед телевизором как дурочка, которой пальчик показываешь, а ведь до войны госпожой была...’

Интродуктивную функцию выполняют показатели дальнего дейксиса в примере 34 (информация о предмете речи известна говорящему и является новой для слушающего), говорящий намеренно не называет конкретные детали, касающиеся личности человека, о котором идет речь, на первый план выходит информация о бесплатной выпивке:

(34) *<...> и’о ќе се напиеш, па да те водам на интимно парти, кај онаа мојана асистентка. Конечно магистрирала. Па нема да ја бркаат од факултет. Ќе има гага пијачка* (СС₁: 80). ‘<...> что ты будешь пить, или пойдем на вечеринку для своих к одной моей ассистентке. Она наконец-то защитила магистерскую. И ее в связи с этим не выгонят с факультета. Будет халявная выпивка’.

В последней группе *оној ... -т*, как и в случае с *овој ... -т*, ощущается разделение демонстративной и идентифицирующей функции показателей определенности (отсылка может быть ситуативной, апеллирующей к фоновым знаниям или прошлому опыту слушающего (11, 18, 37) и анафорическая (9, 20, 36)):

(36) *Би сакал да му нарача една лоза на стариот актер кој поради мизерната пензија мора да го позајмува гласот на "оније лошите" од цртаните филмови, ама нема пари* (СС₁: 27). ‘Он хотел было угостить виноградной [ракией – Н.Б.] старого актера, который, чтобы выжить на мизерную пенсию, озвучивал злодеев в мультфильмах, но денег у него не было’.

(37) *Формирањето на таа категорија му го припишуваме на фактот дека соодветните*

дијасистеми се развивале во мултилингвална балканска средина каде што не ретко соговорниците не ги знаеле флуентно јазиците на оној другоот (ЗТ: 184). 'Формирование этой категории мы связываем с тем фактом, что соответствующие диасистемы развивались в мультингвальной балканской среде, где собеседники зачастую не владели свободно языком своего соседа'¹.

Итак, подведем итоги анализа. Как показывает материал, конструкции с «двойной определенностью» характерны не только для разговорной речи. Они встречаются в публицистических, научных и художественных текстах. В художественных текстах это, как правило, диалогические вкрапления или же внутренние монологи разговорного характера. В публицистических текстах конструкции с «двойной определенностью» – примета идиостиля автора, указывающая на особую экспрессивность текста. В научных текстах наблюдается жесткое разграничение функций указателя и членной морфемы (анафорическая и идентифицирующая функции). Однако наиболее частотны примеры подобного типа, несомненно, в спонтанной разговорной речи.

«Двойное указание» может выполнять эмфатическую функцию, усиливая семантику членной морфемы; или же функции демонстратива и членной морфемы разделяются: демонстратив выполняет указательную функцию, а членная морфема – идентифицирующую. В ряде случаев указательная функция членной морфемы сохраняется (указание на сферу собеседника), а демонстратив используется как средство выражения экспрессии или же как текстовая отсылка. Распределение функций демонстративов зависит от их сочетаемости и контекстного окружения. Наиболее «нейтральны» с точки зрения семантики группы с «двойной определенностью» в научных текстах. Наивысшую степень эмоциональности показывают разговорные, художественные и публицистические тексты.

Кроме того, для разговорных текстов характерны конструкции, где форма демонстратива и категории существительного не совпадают. В этом случае говорящий демонстрирует свое отношение к предмету речи и намерение представить информацию либо как маловажную, незначительную («эффект припоминания»), либо известную только ему (в сочетании с эвфемистическими названиями).

¹ Неопределенность в македонском языке грамматически не оформлена. Неопределенность имени существительного выражается отсутствием артикля или

же использованием соответствующего лексического показателя и синтаксической конструкции.

² Речь идет о функции идентификации. Функция генерализации в македонском языке имеется только у членной морфемы *-т*, что свидетельствует о ее собственно артиклевом статусе.

³ Работа А.Белича «Дијалекте Источне и Јужне Србије» (СДЗБ, 1, Београд, 1905) цит. по: Цыхун 1981.

Список источников с сокращениями

ЈВ – *Владова Ј.* Девојчето со две имиња. Штип: Видик-Мак, 2001. 144 с.

ДС – *Солев Д.* Дублер. Скопје, 1988.

ЗТ – *Тополињска З.* Полско-македонски: Граматичка конфронтација. 8. Развитие на граматичките категории. Скопје: МАНУ, 2008. 222 с.

ЛП – *Пандева Л.* Од агендата на Калина Калин. Скопје: Македонска реч, 2009. 144 с.

МНП – Македонски народни приказни. Скопје: Детска радост, 1999. 69 с.

СС₁ – *Станковиќ С.* Чашкомет. Скопје: Матица Македонска, 2002. 93 с.

СС₂ – *Станковиќ С.* URL: <http://www.star.on.net.mk/statija.asp?id=10307>.

Список литературы

Friedman V. Macedonian. URL: <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguageID=3>.

Lant G.H. Grammar of the Macedonian literary language. Скопје: Државно Книгоиздателство на НР Македонија, 1952. 302 р.

Боронникова Н. Емоционален деиксис во ситуацијата на општењето // XXXII научна конференција на XXXVIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 15-17 август 2005). Т. 1. Лингвистика, Скопје, 2006. С. 105–118.

Кепески К. Македонска граматика. Скопје: Државно Книгоиздателство на Македонија, 1946. 78 с.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. Дел I-II. 552 с.

Конески Б. Историјата на македонскиот јазик. Скопје: Култура, 1986. 239 с.

Македонски јазик / Ред. Л.Минова-Гуркова. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1998. 297 с.

Минова-Гуркова Л. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје: Радинг, 1994. 308 с.

Миркуловска М. Изразување на определеноста во балкански контекст // Балканска слика на светот: Зборник од Меѓународната научна работилница одржана во Скопје на 5-6 декември 2005

година / Прир. К.Ќулавкова. Скопје, 2006. С. 473-484.

Нерознак В.П. Балканский языковой союз // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 63-64.

Панчевска А. Просторна информација изразена со заменки и членски морфеме // Славистички студии. Скопје, 2002. Бр. 10. С. 317-327.

Тополињска З. Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Род, број, посоченост. Скопје: МАНУ, 1974. 156 с.

Тополињска З. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Кн. 1. Синтакса. Д. II. Механизми на предикација; Сложени реченични конструкции (конструкции со сврзнички предикати); Механизми на номинација. Скопје: МАНУ, 1997. 247 с.

Тополињска З. Полско-македонски: Граматичка конфронтација. 8. Развитие на граматичките категории. Скопје: МАНУ, 2008. 222 с.

Тополињска З. Тројниот член: да или не // Зборникот предавања на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2007. С. 15-25.

Угринова-Скаловска Р. Две стилски особености на нашиот говорен јазик // Македонски јазик XI-XII/ 1-2. 1960-1961. С. 105-111.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

Усикова Р.П. Македонский язык // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А.М.Молдован, С.С.Скорвид, А.А.Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 102-139.

Цыхун Г.А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981. 230 с.

THE PROBLEM OF “DOUBLE DEFINITENESS” IN THE MODERN MACEDONIAN LANGUAGE

Nataliya V. Boronnikova

**Associate Professor of General Linguistics and Slavonic Languages Department
Perm State University**

The article contains presentation of the problem of “double definiteness” (noun phrase with demonstratives and definite articles) in the modern Macedonian language. The historical review of the literature on the specified problem and the various points of view on researching of the question are given. Examples from spontaneous colloquial speech, publicistic texts, scientific and fiction literature have served as material for the research.

Key words: Macedonian language; proximal, neutral and distal deixis; noun phrase; definiteness / indefiniteness category; postpositive definite article; “double definiteness”.